

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800028325-3

О теоретических и эмпирических терминах

© 2023 г. С. Д. Шелов

Доктор филологических наук,
главный научный сотрудник
Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН,
Россия, 119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2
volehs@mail.ru

Резюме. Задача настоящей работы — рассмотреть противопоставление “теоретические термины — эмпирические термины” с лингвистической точки зрения, выявляя признаки теоретического и эмпирического в терминологии. Предлагается руководствоваться следующими принципами. Теоретичность — свойство градуированное (шкалированное): термин может быть более или менее теоретичным, причем даже минимальная степень теоретичности термина (обеспеченная, например, наличием дефиниции, понимание которой не требует специальных знаний) означает его не-эмпиричность. Эмпиричность — свойство восприятия и усвоения термина посредством любого внесловесного (невербального) его усвоения и объяснения. Высказанные соображения применяются к специальной лексике совершенно различных наук и областей знания, включая гуманитарные науки.

Ключевые слова: терминология, теоретические термины, эмпирические термины, понимание термина, терминологическое определение.

Для цитирования: Шелов С.Д. О теоретических и эмпирических терминах // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 5. С. 37–48. DOI: 10.31857/S160578800028325-3

On Theoretical and Empirical Terms

© 2023 Serguey D. Shelov

Doct. Sci. (Philol.),
Chief Researcher at the V.V. Vinogradov Institute
for Russian Language of the Russian Academy of Sciences,
18/2 Volhonka Str., Moscow, 119019, Russia
volehs@mail.ru

Abstract. The goal of this work is to look at the opposition of empirical terms — theoretical terms from a linguistic point of view, identifying attributes of the theoretical and empirical in terminology. It is proposed to be guided by the following principles.

Theoricity is a graded (scaled) property. The term can be more or less theoretical, and even the minimum degree of its theoricity (provided, for example, by its definition, the understanding of which does not require special knowledge) means it is not entirely empirical. Empiricism of the term implies its perception and assimilation through any non-verbal (verbal) assimilation and explanation of it.

These provisions cover terminology of various sciences and fields of knowledge, including humanities.

Key words: terminology, theoretical terms, empirical terms, understanding of the term, term definition.

For citation: Shelov, S.D. *O teoreticheskikh i empiricheskikh terminakh* [On Theoretical and Empirical Terms]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2023, Vol. 82, No. 5, pp. 37–48. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800028325-3

1. Из истории постановки и решения вопроса

1.1. Заголовок настоящей статьи тесно связан с логико-философской проблематикой языка науки. В более широком смысле его содержание представляет собой часть проблемы теоретического и эмпирического познания, основных методов научного познания, роли фактического и теоретического в науке, общих логико-философских вопросов понятия и типов научных понятий, методов научного обоснования и доказательства и многих других.

Оставаясь в рамках лингвистики и терминоведения, противопоставление теоретического и эмпирического обращается к сравнительно небольшой и хорошо очерченной части традиционного комплекса философских проблем языка науки. Сам по себе термин — факт и результат номинации, и как таковой напрямую он не связан с вопросами объяснения или прогнозирования поведения объекта, с предсказанием новых закономерностей и явлений, с обоснованием тех или иных положений различных наук и дисциплин, с гипотезой как формой новых прогнозов в развитии тех или иных событий и т.п. Все эти вопросы составляют область логико-философского рассмотрения языка науки, однако базой для их постановки и решения являются утверждения, суждения, те или иные пропозициональные формы, а не сами по себе участвующие в них имена объектов. Это обстоятельство не снимает вопрос о теоретичности — эмпиричности термина как такового, но придает ему некоторую автономность и самостоятельность.

Поднятым вопросам языка науки посвящена обширная логико-философская литература [1]–[12]. Относительно исследований по этой теме необходимо сделать два замечания: 1) материалом обсуждения эмпирического и теоретического в научных понятиях и терминах служат преимущественно данные естественных наук и в первую очередь — физики, материал общественных и гуманитарных наук очень незначителен; 2) к обсуждению почти не привлекается какой-либо лингвистический или терминоведческий инструментарий; 3) в философии чаще говорят о противопоставлении теоретических и эмпирических понятий, а в терминоведении — о противопоставлении теоретических и эмпирических терминов, но связь этих тем прямая и очевидная: коль скоро понятие должно быть как-то репрезентировано, названо, теоретические понятия связаны с теоретическими терминами, а эмпирические

понятия — с эмпирическими терминами¹. Таким образом, логико-философские и лингвотерминологические аспекты проблемы, которая очевидным образом лежит на пересечении философии и лингвистики, парадоксальным образом практически не пересекаются.

1.2. Заметим, что в лингвистической и терминологической литературе разграничение теоретических и эмпирических терминов проводится достаточно редко, при этом далеко не простое противопоставление наблюдаемого и ненаблюдаемого либо весьма не похоже на какую-либо логико-философскую интерпретацию этого противопоставления, либо оно проводится вообще без учета длительной логико-философской традиции и характерных для нее тем обсуждения (даже если эти темы упоминаются). Так, В.М. Лейчик утверждает: “Одной из классификаций терминов (по денотату) является широко используемое в философии деление на термины наблюдения и теоретические термины <...>, например, *синие водоросли* термин наблюдения, *синева* — теоретический термин. Это деление утверждает, что за терминами наблюдения стоят классы реальных объектов, а за теоретическими терминами — абстрактные понятия, зависящие от определенной теории, концепции” [13, с. 91]. Аналогична трактовка этого разграничения у С.В. Гринева-Гриневиича: “По степени абстракции называемых термином понятий выделяются теоретические термины, значение которых отличается более отвлеченно-умозрительным характером, и эмпирические термины (термины наблюдения), значение которых имеет более конкретно-предметный характер” [14, с. 63].

Обратим внимание на то, что в первом случае противопоставление эмпирическое — теоретическое сводится к странному противопоставлению реальности — абстрактности, “зависящей от теории, концепции”. В такой трактовке все же трудно понять, почему *синие водоросли* — это термин наблюдения (и в каком именно смысле его следует здесь рассматривать), а *синева* — это

¹ В связи с бурным развитием в лингвистике (и в семантике как ее разделе) с 70-х годов XX века понятия концепта и проведением различий между понятием и концептом [15]; [16] было бы актуально поставить вопрос о разграничении теоретических и эмпирических концептов и о соотношении этого разграничения с разграничением соответствующих понятий. Однако словосочетания “теоретический концепт”, “эмпирический концепт” почти не представлены ни в логико-философской, ни в лингвотерминоведческой литературе, поэтому далее мы будем обсуждать тему теоретического и эмпирического, используя традиционное обозначение — “понятие”.

теоретический термин и почему *синие водоросли* реальность, а *синева* — абстрактность? Неясно также, какие именно области знания представляют эти примеры и как можно было бы воспользоваться подобным разграничением в других случаях. Во втором случае примеры не приводятся вовсе, а противопоставление теоретическое — эмпирическое сводится к совсем другой оппозиции “отвлеченно-умозрительности — конкретно-предметности”, которая оставляет те же вопросы.

Значительно глубже и на более широком логико-философском фоне, с учетом различных точек зрения, рассматривается соотношение теоретического и эмпирического в монографии С.Е. Никитиной [17]. В работе применительно к языку лингвистики преломляются такие классические темы логико-философской традиции, как наблюдаемое — ненаблюдаемое, соизмеримость — несоизмеримость научных теорий, возможность — невозможность редукции теоретических терминов к эмпирическим и, наоборот, собственно соотношение эмпирического и теоретического [17, особенно раздел первой главы “Проблема теоретического и эмпирического и язык лингвистики”, с. 12–24]. Хотя автор отмечает, что “для современной философии науки характерно стремление к расподоблению пар теоретическое — эмпирическое и наблюдаемое — ненаблюдаемое”, что “неясность позитивистского критерия разделения на наблюдаемое и ненаблюдаемое стала мишенью для критических высказываний многих философов” [17, с. 15], все же наибольшее внимание автора уделяется именно фактору наблюдаемости (как признака эмпирического объекта) или ненаблюдаемости (как признака теоретического объекта). Несколько положений в позиции автора здесь нам представляются наиболее существенными. Так, относительно фактора наблюдаемости в лингвистике автор говорит, что “в сущности, на уровне непосредственного физического наблюдения нам дан только нерасчлененный звуковой поток” и что «все лингвистические термины теоретически нагружены, и даже классический пример разделения теории и эмпирии — фонологии и фонетики — вовсе не является убедительным: фонетическая классификация звуков сознательно или бессознательно строилась на допущении смысловых различительных функций, т.е. всегда имела в себе фонологическую “примесь”». По всей вероятности, исходя из тезиса о теоретической нагруженности всех терминов лингвистики, автор не приводит — даже в качестве примера — ни одного эмпирического лингвистического термина, но делает важное замечание о теоретических лингвистических

терминах, относя к ним инварианты, значения и лингвистические нули как ненаблюдаемые объекты. В целом же автор приходит к выводу о том, что “в лингвистике разграничение эмпирического и теоретического уровня и, соответственно, эмпирического и теоретического языка в настоящее время вряд ли целесообразно. Скорее надо говорить об исходных данных и последующих теоретических построениях, о разграничении уровней объекта исследования и создания правил соответствий между элементами разных уровней” [17, с. 21–23].

Задача настоящей работы — рассмотреть указанное противопоставление с лингвистической точки зрения, выявляя признаки теоретического и эмпирического в терминологии, и применить его к специальной лексике совершенно различных наук, оставляя возможности его использования к более широкому языковому материалу. Отметим, что автор настоящей статьи отдает себе отчет в том, что высказанные положения далеки от законченных формулировок, предполагающих окончательное решение этой важнейшей задачи, относящейся и к лингвистической проблематике языка науки, и к вопросам логики и методологии языка науки. Автор был бы вполне удовлетворен, если бы ему удалось привлечь внимание к этой весьма сложной проблемной области, явным образом лежащей на пересечении этих двух разделов научного знания.

1.3. Понятие непосредственно эмпирического восприятия, которое легло в основу понимания эмпирических терминов и было сформулировано еще Р. Карнапом [18, р. 455]; [19, р. 226], сводится к двум условиям. Прямое восприятие означает, во-первых, восприятие без помощи технических инструментов и, во-вторых, что это восприятие не использует никакие умозаключения (логические выводы). В качестве классических примеров эмпирических терминов вслед за Р. Карнапом часто приводятся лексические единицы *синий*, *твердый*, *холоднее (чем)* и т.п. Интересно, что сам Р. Карнап допускал, что критерии, с помощью которых разграничиваются термины наблюдения и теоретические термины, не являются достаточно четкими и что эти критерии допускают градацию, шкалу эмпиричности и теоретичности. Так, критерий наблюдаемости — ненаблюдаемости далеко не очевиден, и очень многое, в частности, зависит от того, что считать техническими средствами наблюдения. Так, например, такие параметры, как температура и давление, измеряются с помощью технических устройств, и в этом смысле в философии соответствующие термины не являются

терминами наблюдения: для философа при измерении этих величин непосредственно наблюдаются только пространственные положения жидкости (например, ртутного столба в термометре) и стрелки указателя (например, в барометре). Использование приборов нарушает чистоту критерия наблюдаемости в силу того, что приборы не являются органами чувств, во-первых, и, во-вторых, в их создание могут быть заложены теоретические принципы, что противоречит идее эмпиричности ненаблюдаемого объекта. В еще большей степени мы не в состоянии наблюдать электроны, молекулы, гравитационные силы и гены при таком узком понимании слова “наблюдать”. Следовательно, выражения, относящиеся к таким сущностям, квалифицируются как теоретические. Однако для физика, который может ежедневно видеть соответствующие объекты посредством простых или сложных технических средств и приборов (и в этом смысле наблюдать их), они являются объектами наблюдения, а называющие их термины — терминами наблюдения.

Другой недостаток принципа ненаблюдаемости как основного или даже единственного критерия теоретичности состоит в отсутствии связи с какой-либо теорией. Тогда и чисто отрицательное определение теоретического термина оказывается не сущностным: теоретический термин при таком рассуждении определяется просто как не эмпирический. В связи с этим теоретический термин иногда толкуется иначе: термин является теоретическим тогда и только тогда, когда его значение определяется с помощью аксиом какой-либо научной теории, и (поскольку совокупность аксиом — это тоже некоторый текст) тогда говорят о контекстуальной теории значения [20]. Так, например, считается, что значение термина *сила* определяется законами движения И. Ньютона и другими законами о силах, такими как закон тяготения². Однако контекстуальный (и в частном случае аксиоматический) подход к значению теоретического термина ставит свои новые вопросы, которые пока не имеют ответа или хотя бы общепризнанного решения. Так, часто интуитивно в текстах представлены термины, но сами тексты представляют теории, которые не поддаются аксиоматизации.

1.4. В российской литературе логико-философской тематики заслуживают внимания

² Изначально идеи контекстуального и аксиоматического метода фиксации значения слов связывают с работами французского физика П.М. Дюэма (P.M. Duham, 1861–1916) и французского математика, физика и философа Ж.А. Пуанкаре (1854–1912).

положения относительно оппозиции теоретические термины — эмпирические термины, высказанные В.Н. Карповичем [1, с. 53–81]. По В.Н. Карповичу, эмпирические термины определяются (скорее — предъявляются!) остенсивно, а теоретические термины нуждаются в словесной (вербальной) дефиниции. Так, автор пишет: “Термины наблюдения — это такие термины, значения которых заданы остенсивно, без обращения к вербальным определениям; теоретическими же являются предикаты, определяемые вербально, с использованием логических знаков”³ [1, с. 68]. Однако интересен в этой связи яркий пример редких в лингвистике остенсивных определений, который противоречит такой интерпретации эмпирических (а следовательно, и теоретических) терминов. Речь идет о широко известной конструкции Колмогорова–Успенского, формализующей понятие падежа в русском языке, см. ясное и детальное описание этой конструкции, например, в работе [21, с. 36–55]. Сама конструкция представляет собой некую таблицу, в клетки строк которой вписаны имена русского языка в определенной форме. Когда такая таблица построена, естественно “остенсивно определить”, понятие того или иного падежа (точнее — его падежной формы), предъявляя строчку построенной таблицы с заполненными клетками указанием типа: “Именительный падеж — это вот такая строчка построенной таблицы”, “Родительный падеж — это вот такая строчка построенной таблицы”, “Второй родительный падеж — это вот такая строчка построенной таблицы”, “Дательный падеж — это вот такая строчка построенной таблицы” и т.п. Возможность такой наглядной демонстрации множества слов в одной строчке таблицы наводит на мысль об эмпирическом характере терминов *именительный падеж, родительный падеж, второй родительный падеж, дательный падеж* и т.д. Однако согласиться с этим практически невозможно, поскольку сама процедура построения таблицы исходит из определенных научных представлений и, безусловно, является теоретическим объектом, порождая, соответственно, совокупность теоретических терминов, обозначающих категориальные падежные формы русского языка (в связи с чем чрезвычайно важным оказывается не только остенсивность определяемого, но и то, что и как предъявляется остенсивно).

³ Следует отметить, что это разграничение в данной работе на самом деле несколько сложнее и связано с понятиями разрешимости множества и базисного и производного языка наблюдения (и, следовательно, базисного и производного термина наблюдения). Здесь мы не можем вдаваться в эти подробности.

Имеются также и другие подходы к различению теоретического и эмпирического и как частный случай теоретических и эмпирических терминов, на которых мы не будем останавливаться (подробно эта тема раскрывается в работах [3, с. 156–208]; [5]).

1.5. В трактовке соотношения эмпирического и теоретического обращает на себя внимание чрезвычайно узкое понимание эмпирического как чего-то, что может быть воспринято только посредством органов чувств — тактильных органов, слуха, обоняния, вкусовых рецепторов. Неудивительно, что при такой трактовке эмпирического восприятия целые области знания (в частности, языкознание) оказываются вообще без эмпирических терминов; об отсутствии чисто эмпирических терминов писали некоторые логики и, в частности, такая авторитетная фигура, как П.К. Фейерабенд [20]. Но ведь отсутствие эмпирических терминов в какой-либо тематической области, если с ним соглашаться, вообще снимает проблему соотношения теоретического и эмпирического, по крайней мере, в этой области, что плохо соотносится с интуитивным представлением о теоретическом и эмпирическом.

1.5.1. В связи со сказанным приведем две важные для наших целей цитаты из работы [22]. Так, авторы пишут: «Примерами словесных знаков русского языка, не имеющих, по крайней мере до настоящего времени, ни собственного, ни приданного смысла, могут служить такие фундаментальные термины теорий, как “множество” (для теории множеств), “предложение” (в лингвистике), “болезнь”, “игра” и др. Ученым-медикам до сих пор не удастся найти такую совокупность характеристик болезни, которая бы отличала болезнь от тех или иных анатомических или функциональных отклонений организма человека от нормы, которые врачи не склонны называть болезнью. Не удастся также пока найти ответ на вопрос, что такое игра (то есть не удастся определить этот термин). Не имеют определенного смысла так называемые неопределимые понятия теорий — “точка”, “прямая”, “плоскость” в геометрии. И, конечно, едва ли мы можем ответить на вопрос, что мы имеем в виду, когда упоминаем о своих ощущениях и впечатлениях — “кислое”, “сладкое”, “вкусный”, “приятный” и т.п.». В другом месте той же работы авторы отмечают: “В подобных случаях связь знака с объектом возникает стихийным образом в процессе формирования языка при общении людей, и прежде всего в совместной трудовой деятельности. Здесь играют роль, очевидно, зрительные и иные чувственные

представления о предметах, а также рефлексy, возникающие в тех или иных ситуациях. Учитывая сказанное, способ установления связи знака с обозначаемым объектом без посредствующих звеньев, каковым является смысл, можно было бы назвать чувственно-рефлекторным, в отличие от упоминавшегося выше способа связи через посредство смысла, который назовем логическим” [22, с. 150].

Естественно было бы добавить, что способ установления связи знака с объектом, способ, о котором говорят авторы и который они называют чувственно-рефлекторным, возникает при общении людей не только “в совместной трудовой деятельности”, но и при многих других видах общения — игровом, бытовом и др. Более чем вероятно, что понимание того, что такое *болезнь*, *игра* или *множество*, для детей и подростков не опирается ни на какие дефиниции, как и понимание слов *кислый*, *сладкий*, *вкусный*, *приятный*. Причины понимания и правильного усвоения этих слов-знаков, усвоения, проявляющегося в социально-правильном их употреблении и оперировании ими, могут быть разными — в невербальной (“довербальной”) умственной деятельности, в зрительном восприятии и зрительной памяти, во вкусовых, слуховых или тактильных ощущениях. Важно, однако, что во всех случаях эти процессы происходят в эмпирии человеческого существования, до словесного обучения и разъяснений таких знаков, характерных для формирования более или менее определенных понятий. Соответствующие слова и стоящие за ними означаемые тогда естественно считать **эмпирическими**. Все вопросы конкретности — абстрактности, реальности — нереальности существования итоговых образований, разумеется, остаются; более того, касаясь понятий эмпирического и теоретического в термине, они в целом неплохо соотносятся с ними: конкретность как характеристика эмпирического, абстрактность — как характеристика теоретического. Однако наиболее существенным оказываются способы их введения и усвоения; именно понимание терминов, обеспеченное общественной практикой их использования, без специального словесного обучения, подразумевает их эмпирический характер.

1.5.2. Учитывая сказанное выше, важно подчеркнуть существование двух разных значений слова “эмпирия” (греч. *ἐμπειρία* — опыт): 1. Человеческий опыт вообще, восприятие посредством органов чувств. 2. Наблюдение в естественных условиях, в противоп. эксперименту [23]; [24]. Но если вкладывать в понятие эмпирии гораздо

более широкое содержание “человеческого опыта вообще и наблюдения в естественных условиях”, то и вся картина соотношения эмпирического и теоретического существенно изменится. Опыт человеческого существования, разумеется, включает в себя чувственные его проявления, но он далеко не ограничивается ими, а охватывает и многие познавательные-когнитивные процессы, в том числе бессознательно происходящие в ходе человеческого развития. В частности, в него входят и все процессы усвоения языка и его лексики, социально принятые способы их правильного употребления без какого-либо специального вербального обучения (в частности, в школе). Всё, что вырабатывается в ходе индивидуального развития личности вне сознательно внешнего речевого воздействия, включая реализацию принципа “делай как я!” — без пошагового речевого пояснения, что и как именно делать, — всё это также эмпирия человеческого существования и развития. В ее сфере находятся и процедуры каждодневных бытовых действий и приобретения речевых навыков: умение ходить, надевать на себя одежду, пользоваться посудой, столовыми приборами для питья, принятия пищи, понимать простейшие фразы, сказанные другими, и приносить их самому обычно не сопровождаются подробными речевыми инструкциями со стороны, но составляют основу личной эмпирии.

Если эмпирическое, согласно изложенному выше, оказывается своеобразным “антиподом” вербального, то теоретическое, напротив, закономерно связывается со словесным (вербальным) способом существования **теоретического**. Оценка степени теоретичности термина сама по себе возможна только тогда, когда имеется некоторый текст, толкующий или любым другим способом словесно объясняющий этот термин, из чего следует, что он перестает быть эмпирическим. Более того, применительно к терминологии естественно говорить о том, что **чем больше требуется сведений, чем больше необходимо словесной информации** для фиксации понятийного содержания термина, тем он **более теоретичен**. Однако измерение количества текстовой информации — задача невероятно сложная; поэтому для упрощения постановки и решения этой задачи можно говорить только о необходимой для фиксации понятийного содержания термина **специальных сведений, специальной информации** соответствующей области знания. Теоретичность знака при такой ее трактовке оказывается близкой понятию терминологичности, поскольку специальные, необщезыковые сведения и информация тесно связаны опять-таки с терминологией. Поэтому можно еще более

упростить задачу: сильно огрубляя высказанные положения (но сохраняя их общую идею), можно считать показателем теоретичности термина **его понятийный уровень в системе терминологических дефиниций**, включающей данный термин. Тогда степенью теоретичности термина оказывается, образно говоря, его глубина в иерархии понятий, заданной адекватной системой терминологических дефиниций, где иерархия задается отношением “термин определяется (дефинируется) через термин” (более подробно о понятийном уровне термина см. в работе [25])⁴.

2. Теоретическое VS эмпирическое с лингвистической точки зрения

Изложенные выше положения обуславливают трактовку теоретической и эмпирической терминологии не вполне традиционным образом; в сжатом виде ее суть может быть сформулирована следующим образом.

Теоретичность — свойство градуированное (шкалированное): термин может быть более или менее теоретичным, причем даже минимальная степень теоретичности термина (обеспеченная, например, наличием дефиниции, понимание которой не требует специальных знаний) означает его неэмпиричность.

Эмпиричность — свойство восприятия и усвоения термина посредством любого внесловесного (вербального) его усвоения и объяснения. Эмпирический термин ни в коей мере не является теоретическим, а любой текст, претендующий служить его толкованием или дефиницией, переводит этот термин из числа эмпирических в теоретические.

3. Теоретическое vs эмпирическое в разных областях знания

Обратимся теперь к некоторому языковому материалу разных областей знания и дисциплин и попытаемся в свете сказанного оценить его эмпиричность или теоретичность.

3.1. При таком понимании эмпирических и теоретических терминов вопрос об их количественном соотношении в различных науках и областях знаний решается, по всей вероятности, очень по-разному, что соответствует и интуитивному восприятию различных наук и их терминологического аппарата. Так, в математике, особенно в вариантах ее формализованного построения и

⁴ При одинаковой глубине двух разных терминов естественно считать более теоретичным тот, для понятийной фиксации которого в системе дефиниций используется больше различных терминов.

изложения, количество эмпирических терминов сводится к минимуму (ср., например, термин *множество*), а остальные термины так или иначе теоретически нагружены, что отнюдь не исключает разную степень их теоретичности. При аксиоматизации геометрии, когда значение и употребление ее базовых терминов (*точка, прямая, плоскость, расположение между* и др.) задается аксиоматически, теоретически нагруженными оказываются все термины; не будет преувеличением утверждение о том, что в геометрии, построенной таким образом, вообще нет эмпирических терминов (что, впрочем, также не исключает очень разной степени теоретичности оставшейся части терминов геометрии).

3.2. Терминология, которая вводится путем однократного или максимум двукратного уточнения общеязыковой лексики, обладает малой степенью теоретичности и близка к “чисто эмпирической” терминологии; абсолютно преобладающим смысловым компонентом такой лексики является общеязыковая семантика соответствующего слова. Характерный пример здесь — тематическая область “Правила дорожного движения” и ее специальная лексика, предъявляемая и объясняемая в “Правилах дорожного движения”, ср.:

Велосипед (транспортное средство, кроме инвалидных колясок, имеющее два колеса и более и приводимое в движение мускульной силой людей...);

Водитель (лицо, управляющее транспортным средством, обучающий вождению, а также погонщик...);

Дорога (обустроенная или приспособленная и используемая для движения транспортных средств, полоса земли...);

Населенный пункт (застроенная территория, въезды на которую и выезды с которой обозначены знаками 5.22–2.25);

Транспортное средство (устройство, предназначенное для перевозки по дорогам людей, грузов или оборудования, установленного на нем) и т.д.

3.3. Обратимся снова к лингвистической терминологии, пытаясь иллюстрировать примерами ее эмпирическую и теоретическую части. Как ни странно, эмпирических терминов языкознания совсем немного. Представляется, независимо от тех или иных образовательных процессов в школе, колледже или вузе и, самое главное, **до этих процессов**, носитель русского языка усваивает термины *звук, интонация, пауза, слово* (разумеется, в значении отдельной словоформы, а не в значении лексемы как совокупности всех

словоизменительных форм одного и того же слова), термины, представляющие артикуляционный раздел лингвистической фонетики — *губы, зубы, челюсть, язык* и другие⁵.

3.3.1. Не менее интересен и встречающийся вопрос: имеются ли и каковы теоретические термины лингвистики? С.Е. Никитина, исходя из критерия ненаблюдаемости теоретических объектов, в упомянутой выше работе приводит три типа таковых — инварианты, значения и лингвистические нули [17, с. 22–23]. В интерпретации теоретических терминов, которая предлагается в данной работе, всю аллоэмическую терминологию справедливо следует отнести к теоретической, и в ее составе окажутся, в частности, такие, например, термины, как *лексема, морфема, фонема* и, соответственно, *аллолекс, алломорф(а), аллофон*⁶. Следует обратить внимание, что объяснение многих других лингвистических терминов также весьма не тривиально и требует других терминов, иногда превращая толкование первых в целые микротеории, ср. специальные номинации *агглютинация, аккомодация, аффикс, грамматическая категория, грамматическое значение, дополнение, корень, нейтрализация, примыкание, склонение, спряжение*,

⁵ Возможны разнообразные варианты подачи и обучения лингвистической терминологии и, в частности, такие, при которых приведенные единицы приобретают своеобразные толкования, например: “Звук это минимальная, далее не членимая единица звукового потока речи, представляющая собой часть слога, произнесённая за одну артикуляцию”. Разумеется, если исходить из подобных толкований, приведенные выше утверждения оказываются полностью неверными, а термин *звук* предстает как весьма и весьма теоретически нагруженный. Другой вопрос — насколько закономерны и продуктивны такое построение и подача терминологии, при которых *звук* определяется через термины *звуковой поток, речь, слог, артикуляция*. Сказанное относится и к другим упомянутым терминологическим единицам. В то же время, в составе фонетической терминологии, разумеется, присутствуют и теоретические термины. Интересно, что в учебнике по логике одна из важнейших единиц общего языкознания *предложение* также подается как “не имеющая ни собственного, ни приданного смысла” [22, с. 150], что не позволяет характеризовать ее как теоретическую, но требует относить также к эмпирическим.

⁶ Более спорно, с нашей точки зрения, отнесение к теоретическим терминам единицы *значение*, что в нашем понимании зависит от того, как и когда усваивается слово *значение* в таких сочетаниях, как *значение слова* или *значение предложения*. Если, например, еще до приобщения к школьным знаниям ребенок знает, что такое *значение слова, значение предложения*, то единица *значение*, скорее всего, — эмпирический термин, хотя непосредственно ‘значение’ предъявить невозможно. В то же время, разумеется, допустимы теоретические построения, при которых *значение* становится в высшей степени теоретическим термином (например, при дешифровочных методах исследования языка или в дескриптивной лингвистике).

флексия, часть речи, чередование и другие. Заметим, что огромная часть терминов-словосочетаний языковедения использует общезыковую лексику для обозначения категориальных форм или согласовательных классов, ср. в неоднократно переиздававшемся словаре лингвистических терминов О.С. Ахмановой *будущее время* (“категориальная форма времени...”), *настоящее время* (“категориальная форма времени...”), *прошедшее время* (“категориальная форма времени...”) [26]. Аналогично с этой точки зрения устроены термины *единственное число, двойственное число, множественное число; женский род, мужской род, средний род* и т.п. В других случаях общезыковая лексика в составе терминов-словосочетаний добавляется к именам языковых категорий или частей речи — именам, которые (в данном значении) не используются вне научно-лингвистического контекста. В этом случае такая лексика, в конечном счете, также уточняет семантику тех или иных языковых выражений, ср. *запретительное наклонение, повелительное наклонение, разрешительное наклонение, условное наклонение* или *второе лицо, первое лицо, третье лицо* и т.п. Наконец, огромное число теоретических терминов представлено терминологическими словосочетаниями, синтаксические компоненты которых сами по себе представляют единицы лингвистической теории, ср., *гиперболическая метафора, грамматическое чередование, лексическая метонимия, наречное местоимение, наречное определение, несогласованное определение, отглагольное существительное, разносклоняемое существительное, приглагольный дательный, сильноуправляемый дательный, синтаксический синкретизм, союзное местоимение, фонологическая нейтрализация* и т.д. Точно так же, как отмечалось выше, по замечанию С.Е. Никитиной, теоретически нагруженными предстают и номинации лингвистических нулей и, в частности, терминов *нулевая фонема, нулевой аффикс, нулевой корень, нулевая морфема*. Таким образом, в силу сказанного количество чисто эмпирических терминов в лингвистике, по-видимому, весьма ограничено, в то время как число в той или иной мере теоретических терминов практически не ограничено.

3.4. Рассмотрим теперь с точки зрения соотношения эмпирического и теоретического несколько исторических терминов, как они представлены в упомянутом выше издании [24]:

Дань 1. Ист. Подать с населения в древней Руси и некоторых других странах, взимавшаяся князем, военачальником или победителем с побежденного племени, народа;

Кабала 1. Ист. Долговое обязательство в древней и Московской Руси (с 16 в. в письменной форме), ставившее заемщика в личную зависимость от займодавца,

2. *Ист.* Особый вид рабства на Руси в 14–16 вв. — пожизненная зависимость, основанная на долговом обязательстве;

Когорта 1. Ист. Отряд войска в древнем Риме, составлявший десятую часть легиона;

Кормление 2. Ист. На Руси в 13–16 вв. система вознаграждения бояр, осуществлявших судебно-административные функции, путем предоставления им права облагать в свою пользу население управляемой ими местности;

Префект 1. Ист. В древнем Риме: наименование ряда административных и военных должностей, а также лиц, занимавших эти должности;

Стрелецкий приказ. Ист. Учреждение в Русском государстве 16–17 вв., ведавшее стрельцами, их землями и дворами, выдачей им денег и хлебного жалованья и т.д.;

Фронда 1. Ист. Социально-политическое движение против абсолютизма во Франции в 1648–1653 гг.;

Шляхта. Ист. В ряде стран Центральной Европы (Польше, Литве и др.) название основной части господствующего феодального класса, состоявшего из дворянства.

Являются ли приведенные термины эмпирическими или теоретическими и почему?

Исходя из представленных выше соображений, считать их эмпирическими не приходится, так как понимание их содержания лишь в практической деятельности носителя русского языка явно не происходит; эти термины, безусловно, требуют раскрытия своего содержания посредством некоторого текста, поясняющего их содержание, что в силу принятых допущений также исключает их из числа эмпирических⁷. В то же время, подобные термины трудно признать в сколь-нибудь существенной степени теоретическими. Эти единицы характеризуются слабой связью с другими терминами той же области знания, ср., например, *когорта — легион; шляхта — феодальный класс, дворянство; фронда — абсолютизм*. В других случаях такие связи вообще отсутствуют, что обеспечивало возможность их понимания без привлечения

⁷ Заметим, что в подобных случаях вряд ли можно говорить о наблюдаемости или о возможности непосредственно предъявить поименованные объекты или воспроизвести названные события (хотя бы в силу их историчности).

специальных знаний, ср. *кормление, префект*. Еще более существенно, что в толковании каждого из приведенных терминов содержится хотя бы одно имя собственное, ср. *древняя Русь* (в первом примере), *Московская Русь* и *Русь* (во втором примере, для разных значений слова *кабала*, а также в четвертом примере), *древний Рим* (в третьем и пятом примерах) и, соответственно, для последующих примеров *Русское государство, Франция, Центральная Европа*. Наличие имени собственного в толковании определяемого термина резко меняет его понятийное содержание в направлении его сужения и индивидуализации, фиксируя смысловую привязанность обозначаемого к определенному времени и месту, что также плохо согласуется с теоретическим характером термина.

3.4.1. Представленные примеры мы квалифицируем как **индивидуализирующие термины небольшой степени теоретичности**, столь важные для общественных и гуманитарных наук и, особенно, для наук исторического цикла. Этот тип терминов может использовать и уточнять лексические единицы разных понятийно-семантических категорий — вещей (предметов), свойств, событий, процессов, отношений и др., ср. [22, с. 160]; [27, с. 38]. Однако общим их свойством является невовлеченность в теоретические построения ни в качестве исходных языковых единиц данной области знания, ни, напротив, в качестве единиц, производных от каких-либо других ее единиц или, по крайней мере, очень слабо производных от них; соответствующие терминологические образования не образуют сколь-нибудь протяженных знаковых рядов a_1, a_2, a_3 и т.д., где a_2 непосредственно определяется через a_1 , a_3 непосредственно определяется через a_2 и т.д. Образуя, говоря, понятийное содержание каждого индивидуализирующего термина может стать центром некоторой тематической сферы, но сами эти тематические сферы самостоятельны и почти не имеют общих точек, в связи с чем они не обладают понятийной глубиной и не образуют какой-либо одной цельной иерархии, что отличает такую организацию специальной лексики от глубокой родовидовой иерархии терминологии научных дисциплин, активно использующих родовидовые дефиниции [28, с. 25–67].

3.4.1.1. Сказанное ставит ряд закономерных вопросов.

Так, первый вопрос, вызванный материалом исторической терминологии, заключается в следующем: существуют ли в ее составе термины большей степени теоретичности, чем приведенные выше? Полагаем, что можно дать

положительный ответ на этот вопрос, если обратиться к примерам важнейшей лексики марксистской философии и, в частности, исторического материализма, а также ее толкования в упомянутом выше издании [24], ср.:

Базис.

Экономическая структура общества, совокупность производственных отношений данного общества, которым соответствуют определенные надстроечные отношения (политические, правовые, нравственные и т.д.);

Классы.

Относительно большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают (Ленин В.И.);

Надстройка.

Совокупность общественных идей и взглядов (политических, правовых, нравственных, эстетических, религиозных, философских), соответствующих им учреждений и идеологических общественных отношений, определяемых экономическим базисом данного общества;

Общественно-политическая формация.

Определенная стадия исторического развития общества, а также структура общества, присущая данной стадии развития и определяемая способом производства.

3.4.1.2. Второй вопрос, продиктованный материалом исторической терминологии, звучит так: а существует ли в ее составе вообще эмпирическая терминология? В настоящее время мы можем лишь осторожно предположить, что сюда входит вся общественно-политическая лексика, которая усваивается ребенком или подростком до начала изучения истории в школе и в той не ангажированной специальным историческим знанием мере, в какой она им усваивается в этот период, ср. *бедность, бог, богатство, борьба, век, вера, война, время, государство, мир, общество, право, противник, религия, страна, союз, церковь* и др. Подобная лексика очень далека от одиозных примеров обозначения наблюдаемых и чувственно воспринимаемых качеств типа *теплота, жесткость, температура*, которые и приводятся как примеры классической эмпирической терминологии. На базе этого понимания в дальнейшем в ходе индивидуального или социального обучения вся

эта лексика может становиться более или менее теоретической, когда каждая единица погружается на глубину своего лексико-терминологического поля, а в совокупности все эти поля и составляют единую науку или область знания, в нашем случае — Историю. Преобладание теоретического или эмпирического в специальной лексике различных наук ожидаемо интуитивно и подтверждается логико-философскими исследованиями: так, в работе [29, выводы из 2-й главы] подчеркивается: “Естественные, общественные, технические, логико-математические, философские науки различаются по словарю и грамматическому строю, по преобладанию в них эмпирических или же теоретических терминов...”.

4. Некоторые итоговые положения

На основе рассмотренного материала выскажем теперь три положения, как нам представляется, лингвистически соотносящиеся (коррелирующие) со свойствами эмпиричности и теоретичности терминологии.

4.1. Можно предположить, что в целом имеет место следующая закономерность: **чем более термин теоретичен, тем более он связан с другими терминами той же области знания; эмпирический термин либо не связан с другими терминами, либо связан с ними в минимальной степени.** Это положение хорошо согласуется с природой понимания и усвоения термина: усвоение эмпирического термина в основном вообще не связано с вербальными пояснениями того, что этот термин обозначает. В случае необходимости построения теории эмпирические термины могут быть необходимы в качестве исходных элементов теории, что и обуславливает их связи с другими терминами, приобретающими свойство теоретичности.

4.2. Вторая закономерность связывает проблематику эмпиричности — теоретичности термина с именами собственными и может быть изложена таким образом: **наличие в адекватном толковании термина имени собственного не согласуется с теоретическим характером терминологии.**

4.3. Наконец, третья закономерность касается связи освоения заимствованной лексики в родном языке и степенью ее эмпиричности. Положение, выражающее эту закономерность, можно сформулировать следующим образом: **чем менее заимствованное слово освоено родным языком, тем меньше у него шансов быть эмпирическим термином.** Теоретически нагруженный термин вполне может быть как заимствованным, так и своеязычным словом, но обладать статусом эмпиричности,

по-видимому, могут только своеязычные лексические единицы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Карпович В.Н.* Термины в структуре теорий: Логический анализ / Отв. ред. В.А. Смирнов. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1978. 128 с.
2. *Петров В.В.* Семантика научных терминов. Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1982. 127 с.
3. *Стёпин В.С.* Философия науки: Общие проблемы. М.: Гардарики, 2006. 384 с.
4. *Целищев В.В., Карпович В.Н., Поляков И.В.* Логика и язык научной теории / Отв. ред. В.В. Петров. Новосибирск: Наука, 1982. 190 с.
5. *Швырев В.С.* Теоретическое и эмпирическое в научном познании. М.: Наука, 1978. 382 с.
6. *Achinstein P.* The Problem of Theoretical Terms // *American Philosophical Quarterly*. 2(3). 1965. P. 93—203.
7. *Balzer W.* Theoretical Terms: Recent Developments // *Structuralist Theory of Science: Focal Issues, New Results* (Vol. 6: Perspectives in Analytic Philosophy) / W. Balzer and C. U. Moulines (eds.). Berlin: de Gruyter, 1996. P. 139—166.
8. *Carnap R.* The Methodological Character of Theoretical Concepts // *Minnesota Studies in the Philosophy of Science*. I. / H. Feigl and M. Scriven (eds.). Minneapolis: University of Minnesota Press, 1956. P. 38—76.
9. *Hempel C.G.* The Meaning of Theoretical Terms: A Critique of the Standard Empiricist Construal // *Logic, Methodology and Philosophy of Science IV* / P. Suppe, L. Henkin, A. Joja and G. C. Moisil (eds.). Amsterdam, 1973. P. 367—378.
10. *Putnam H.* What Theories are Not? // *Logic, Methodology, and Philosophy of Science* / E. Nagel, P. Suppes and A. Tarski (eds.). Stanford: Stanford University Press, 1962. P. 240—251.
11. *Schurz G.* Philosophy of Science: A Unified Approach. New York: Routledge. 2013. 480 p.
12. *Tuomela R.* Theoretical Concepts. Wien: Springer, 1973. 254 p.
13. *Лейчик В.М.* Терминоведение: предмет, методы, структура. Изд. 5-е, испр. и доп. М.: Либроком, 2012. 261 с.
14. *Гринев-Гриневич С.В.* Терминоведение: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Академия, 2008. 302 с.
15. *Демьянков В.З.* Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке // *Вопросы филологии*. № 1. 2001. С. 35—47.

16. Демьянков В.З. “Концепт” в философии языка и в когнитивной лингвистике // Концептуальный анализ языка: Современные направления исследования: Сб. научных трудов / Под ред. Е.С. Кукляковой. М., 2007. С. 26–33.
17. Никитина С.Е. Семантический анализ языка науки. На материале лингвистики. М.: Наука, 1987. 144 с.
18. Carnap R. Testability and Meaning // *Philosophy of Science*. 3(4). 1936/37. P. 419–471.
19. Carnap R. *Philosophical Foundations of Physics: An Introduction to the Philosophy of Science*. New York: Basic Books, 1966. 300 p.
20. Feyerabend P.K. Explanation, Reduction, and Empiricism // *Minnesota Studies in the Philosophy of Science III* / H. Feigl and G. Maxwell (eds.), Minneapolis: University of Minnesota Press, 1962. P. 28–97 (Перевод в: Фейерабенд П.К. Избранные труды по методологии науки: Переводы с англ. и нем. М.: Прогресс, 1986. С. 29–108).
21. Зализняк А.А. Русское именное словоизменение. М.: Наука, 1967. 370 с.
22. Войшвилло Е.К., Дегтярев М.Г. Логика: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений. М.: Изд-во ВЛАДОС-ПРЕСС, 2001. 528 с.
23. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 41 089 словарных статей. М.: Азъ, 1992.
24. Словарь русского языка. Т. 1 – Т. 4 / Под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз., Полиграфресурсы, 1999.
25. Шелов С.Д. Концептуальный уровень термина: Опыт формализации и компьютерного вычисления // *Rasprave: Časopis Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovje*. Vol. 46. No. 2. 2020. С. 1–9.
26. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Книга по требованию, 2013. 608 с.
27. Кандаки Т.Л. Значения терминов и системы значений научно-технических терминологий // Проблемы языка науки и техники: Логические, лингвистические и историко-научные аспекты терминологии. М., 1970. С. 3–39.
28. Иванова Е.П. Семантизация имени существительного во французских толковых и энциклопедических словарях XVII–XXI вв. (эволюция определений наименований гидрометеоров). СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2008. 250 с.
29. Чепкасова Е.В. Язык науки как предмет философского анализа: Автореф. ... дис. канд. филос. наук. СПб., 2006. 25 с.
30. Analysis]. Ed. V.A. Smirnov. Novosibirsk, Nauka Publ., 1978. 128 p. (In Russ.)
2. Petrov, V.V. *Semantika nauchnyh terminov* [Semantics of Scientific Terms]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1982. 127 p. (In Russ.)
3. Styopin, V.S. *Filosofiya nauki: Obshchie problemy* [Philosophy of Science: General Problems]. Moscow, Gardariki Publ., 2006. 384 p. (In Russ.)
4. Tselishchev, V.V., Karpovich, V.N., Polyakov, I.V. *Logika i yazyk nauchnoj teorii* [Logic and Language of Scientific Theory]. Ed. V.V. Petrov. Novosibirsk, Nauka Publ., 1982. 190 p. (In Russ.)
5. Shvyrev, V.S. *Teoreticheskoe i empiricheskoe v nauchnom poznanii* [Theoretical and Empirical in Scientific Cognition]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 382 p. (In Russ.)
6. Achinstein, P. The Problem of Theoretical Terms. *American Philosophical Quarterly*. No. 2 (3), 1965, pp. 93–203.
7. Balzer, W. Theoretical Terms: Recent Developments. *Structuralist Theory of Science: Focal Issues, New Results (Vol. 6: Perspectives in Analytic Philosophy)*. W. Balzer and C.U. Moulines (eds.). Berlin, de Gruyter Publ., 1996, pp. 139–166.
8. Carnap, R. The Methodological Character of Theoretical Concepts. *Minnesota Studies in the Philosophy of Science*. I. H. Feigl and M. Scriven (eds.). Minneapolis, University of Minnesota Press, 1956, pp. 38–76.
9. Hempel, C.G. The Meaning of Theoretical Terms: A Critique of the Standard Empiricist Construal. *Logic, Methodology and Philosophy of Science IV*. P. Suppe, L. Henkin, A. Joja and G.C. Moisil (eds.). Amsterdam, 1973, pp. 367–378.
10. Putnam, H. What Theories are Not? *Logic, Methodology, and Philosophy of Science*. E. Nagel, P. Suppes and A. Tarski (eds.). Stanford, Stanford University Press, 1962, pp. 240–251.
11. Schurz, G. *Philosophy of Science: A Unified Approach*. New York, Routledge Publ., 2013. 480 p.
12. Tuomela, R. *Theoretical Concepts*. Wien, Springer Publ., 1973. 254 p.
13. Lejchik, V.M. *Terminovedenie: predmet, metody, struktura* [Terminology Science: Subject, Methods, Structure]. Moscow, Librokom Publ., 2012. 261 p. (In Russ.)
14. Grinev-Grinevich, S.V. *Terminovedenie: Uchebnoe posobie dlya studentov vysshih uchebnyh zavedenij* [Terminology Science: Textbook for University Students]. Moscow, Akademiya Publ., 2008, 302 p. (In Russ.)
15. Demyankov, V.Z. *Ponyatie i koncept v hudozhestvennoj literature i v nauchnom yazyke* [Notion and Concept in Fiction and Scientific Language]. *Voprosy filologii* [Problems of Philology]. 2001, No. 1, pp. 35–47. (In Russ.)

REFERENCES

1. Karpovich, V.N. *Terminy v strukture teorii: Logicheskij analiz* [Terms in the Structure of Theories: Logical

16. Demyankov, V.Z. “*Koncept*” v filosofii yazyka i v kognitivnoj lingvistike [“Concept” in the Philosophy of Language and Cognitive Linguistics]. *Konceptualnyj analiz yazyka: Sovremennye napravleniya issledovaniya. Sb. Nauchnyh trudov pod red. E.S. Kubryakovej* [Conceptual Analysis of Language: Modern Trends in Research: Collection of Scientific Papers. Collection of Scientific Papers. Edited by E.S. Kubryakova]. Moscow, 2007, pp. 26–33. (In Russ.)
17. Nikitina, S.E. *Semanticheskij analiz yazyka nauki. Na materiale lingvistiki* [Semantic Analysis of the Language of Science. On the Evidence of Linguistics]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 144 p. (In Russ.)
18. Carnap, R. Testability and Meaning. *Philosophy of Science*. No. 3 (4), 1936/37, pp. 419–471.
19. Carnap, R. *Philosophical Foundations of Physics: An Introduction to the Philosophy of Science*. New York, Basic Books Publ., 1966. 300 p.
20. Feyerabend, P.K. Explanation, Reduction, and Empiricism. *Minnesota Studies in the Philosophy of Science III*. H. Feigl and G. Maxwell (eds.). Minneapolis, University of Minnesota Press, 1962, pp. 28–97. (Translated in: Feyerabend, P.K. *Izbrannye trudy po metodologii nauki: Perevody s angl. i nem.* [Selected Works on the Methodology of Science: Translations from English and German]. Moscow, Progress Publ., 1986, pp. 29–108. (In Russ.)).
21. Zaliznyak, A.A. *Russkoe imennoe slovoizmenenie* [Nominal Inflection in Russian]. Moscow, Nauka Publ., 1967. 370 p. (In Russ.)
22. Voyshvillo, E.K., Degtyarev, M.G. *Logika: Ucheb. dlya stud. vyssh. ucheb. zavedenij*. [Logic: Textbook for Universities]. Moscow, Izd-vo VLADOS-PRESS Publ., 2001. 528 p. (In Russ.)
23. Ozhegov, S.I., Shvedova, N.Yu. *Tolkovyj slovar russkogo yazyka: 41 089 slovarnyh statej*. [Explanatory Dictionary of the Russian Language: 41,089 Dictionary Entries]. Moscow, Az Publ., 1992. (In Russ.)
24. *Slovar russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Ed. A.P. Evgenyeva. Moscow, Rus. yaz., Poligrafresursy Publ., 1999. Vol. 1–4. (In Russ.)
25. Shelov, S.D. *Konceptualnyj uroven termina: Opyt formalizacii i kompyuternogo vychisleniya* [Conceptual Level of the Term: An attempt of Formalization and Computer Calculations]. *Rasprave: Časopis Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovje*. Vol. 46, No. 2, 2020, pp. 1–9. (In Russ.)
26. Ahmanova, O.S. *Slovar lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. Moscow, Kniga po trebovaniyu Publ., 2013. 608 p. (In Russ.)
27. Kandelaki, T.L. *Znacheniya terminov i sistemy znachenij nauchno-tehnicheskikh terminologij* [Meanings of Terms and Systems of Meanings of Scientific and Technical Terminologies]. *Problemy yazyka nauki i tekhniki: Logicheskie, lingvisticheskie i istoriko-nauchnye aspekty terminologii*. [Problems of Science and Technology Language: Logical, Linguistic and Historical-Scientific Aspects of Terminologies]. Moscow, 1970, pp. 3–39. (In Russ.)
28. Ivanova, E.P. *Semantizaciya imeni sushchestvitelnogo vo francuzskih tolkovykh i enciklopedicheskikh slovaryah XVII–XXI vv. (evolyuciya opredelenij naimenovanij gidrometeorov)* [Semantization of Nouns in the Explanatory and Encyclopedic French Dictionaries of the 17th–21st Centuries (Evolution of Nomination Definitions of Hydrometeors)]. St. Petersburg, Izd-vo St.-Peterb. un-ta Publ., 2008. 250 p. (In Russ.)
29. Chepkasova, E.V. *Yazyk nauki kak predmet filosofskogo analiza. Avtoref. ... dis. kand. filos. nauk* [The Language of Science as a Subject of Philosophical Analysis. Abstract of the Disser. Submitted for the Degree of Cand. of Philol. Sciences]. St. Petersburg, 2006. 25 p. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 4 мая 2023 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 19 июля 2023 г.

Статья принята к публикации: 15 августа 2023 г.

Дата публикации: 31 октября 2023 г.

Received by Editor on May 4, 2023

Revised on July 19, 2023

Accepted on August 15, 2023

Date of publication: October 31, 2023